

**Методологические проблемы повышения квалификации
учителей начальных классов по предметной области
«Основы религиозных культур и светской этики»***

А. П. Чернеевский

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. В современной научной литературе представлено большое количество публикаций по вопросам *содержания* предметной области «Основы религиозных культур и светской этики», однако почти отсутствуют работы, где изучаются *культурологические* аспекты преподавания учебных дисциплин этого курса. В то же время, явно недостаточно просто констатировать, что религия и этика – сложные феномены культуры. Требуется методологическая разработка именно культурологического подхода в преподавании дисциплин, раскрывающих эти феномены.

Содержание. Первая проблема связана с разграничением мифологического и религиозного сознания. Уровень познаний об этом у учителей начальной школы невысок по причине отсутствия обязательной религиоведческой подготовки во многих педагогических университетах. Возникает вопрос: что преподают учителя школьникам на уроках по основам религиозных культур? Нередко это может быть ненаучная, субъективно окрашенная информация, ангажированная мировоззренческой установкой учителя. Для того, чтобы избежать ошибок, необходимо проводить демаркационную линию между мифологическим пластом сознания и религиозным, который отличается наличием элемента «веры в сверхъестественное».

Вторая проблема связана с противоположностью личного и социального начала в этике, и с тем, каким образом учитель начальной школы раскрывает для школьников религиозное содержание предмета. Здесь демаркация мифологии и религии также актуальна. Мифологическое сознание внеэтично. Религиозная культура преодолевает «эгоизм» мифа, этика мировых религий объединяет людей в едином этическом поле. Освоение и использование этого подхода дает возможность педагогам показать учащимся путь мировой культуры от архаичных нравственных установок (слияние личного и общественного) к современным рациональным формам этики.

Выводы. Учителя начальных классов должны понимать различие между религиозной верой (в том числе, своей собственной) и рефлексивным рассказом о религии. Профессиональная компетенция педагога должна позволять учителю проводить связь между внеэтичным мифологическим сознанием и этически обусловленной религиозной культурой. На практике

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Религиоведение и теология в образовательном пространстве Российской Федерации: на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области» № 21-011-44106\21

© Чернеевский А. П., 2021

проблема ангажированности учителя решается за счет формального следования материалу, изложенному в учебнике, что не всегда является продуктивным в силу невысокого уровня учебных изданий.

Ключевые слова: миф, религия, мораль, этика, религиозная культура, школа, воспитание, традиция.

Для цитирования: Чернеевский А. П. Методологические проблемы повышения квалификации учителей начальных классов по предметной области «Основы религиозных культур и светской этики» / А. П. Чернеевский // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2021. – № 3. – С. 205–215. DOI 10.35231/18186653_2021_3_205

Methodological problems of primary school teachers advanced training in the subject area “Fundamentals of religious cultures and secular ethics”

Alexey P. Cherneevskij

*Pushkin Leningrad State University,
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. There are a large number of publications in the modern scientific literature devoted to the content of the subject area “Fundamentals of religious cultures and secular ethics”, but there are almost no works where the cultural aspects of teaching the disciplines of this course are studied. At the same time, it is not enough to simply state that religion and ethics are complex cultural phenomena. It is necessary to develop a cultural approach methodology in the teaching of disciplines that reveal these phenomena.

Content. The first problem is connected with the differentiation of mythological and religious consciousness. The level of knowledge about this among primary school teachers is low due to the lack of mandatory religious studies training in many pedagogical universities. The question arises: what do teachers teach schoolchildren in lessons on the basics of religious cultures? Often it can be unscientific, subjectively colored information, biased by the teacher’s ideological attitude. In order to avoid mistakes, it is necessary to draw a demarcation line between the mythological layer of consciousness and the religious one, which is distinguished by the presence of an element of “belief in the supernatural”.

The second problem is connected with the opposite of the personal and social principles in ethics, and with the way in which the primary school teacher reveals the religious content to schoolchildren. Here, the demarcation of mythology and religion is also relevant. Mythological consciousness is unethical. Religious culture overcomes the “egoism” of myth; the world religions ethics unites people in a single ethical field. The development and use of this approach allows teachers to show schoolchildren the path of world culture from archaic forms of moral attitudes (the fusion of personal and social) to modern rational forms of ethics.

Conclusions. Primary school teachers should understand the difference between religious faith (including their own) and a reflective story about religion. The professional competence should allow the teacher to make a connection between an unethical mythological consciousness and an ethically conditioned religious culture. In practice, the problem of teacher engagement is solved by formally following the material set out in the textbook, which is not always productive due to the low level of the educational publications.

Key words: myth, religion, morality, ethics, religious culture, school, education, tradition.

For citation: Cherneevskij, A. P. (2021). Metodologicheskie problemy povysheniya kvalifikatsiyi uchitelej nachalnykh klassov po predmetnoj oblasti “Osnovy religioznykh kul'tur i svetskoj etiki” [Methodological problems of primary school teachers advanced training in the subject area “Fundamentals of religious cultures and secular ethics”]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 3. pp. 205–215. DOI 10.35231/18186653_2021_3_205 (In Russian).

Введение

Согласно приказу Министерства образования и науки Российской Федерации от 18.12.2012 № 1060, в составе ФГОС начального общего образования была установлена предметная область «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ), включающая одноименный комплексный шестимодульный курс. По распоряжению Правительства России обучение ОРКСЭ было утверждено во всех субъектах РФ. Преподавание ОРКСЭ ведется в 4 классе (начальная школа).

Чаще всего этот предмет ведут учителя начальных классов, хотя могут привлекаться учителя обществознания или истории [3, с. 225]. Для учителей, преподающих ОРКСЭ, существует широкая методическая база: написаны учебники, созданы порталы в Интернете, проводятся конференции, а также курсы повышения квалификации. Автор этой статьи с 2018 по 2021 г. принимал участие в программе повышения квалификации «Основы религиозных культур и светской этики» для учителей Ленинградской области. За этот период автором проведена работа более чем с 200 педагогов. Занятия проводились в интерактивной форме, что позволило получить представление об уровне подготовки учителей в сфере религиоведения и о методах преподавания ОРКСЭ в школах.

Содержание исследования

Проблема уровня профессиональной подготовки учителей

Первая проблема преподавания ОРКСЭ для учителей связана с тем, что в российских вузах программа подготовки учителей начальных классов не включает обязательные предметы, связанные с религией (религиоведение, история религии и др.). По справедливому замечанию Е. М. Мирошниковой: «Что же

касается педагогических вузов, то независимо от направления подготовки, религиозно-педагогический курс должен быть обязательным <...> отсутствие такого курса вызывает, по меньшей мере, удивление на фоне обязательного введения ОРКСЭ для всех учеников общеобразовательной школы» [9, с. 96].

Опыт работы с учителями показывает следующее. Во-первых, они знакомы с историей и культурой мировых религий на обычном обывательском уровне: в лучшем случае, слушатели знают историю и этические принципы религии, связанной со своим ближайшим социальным окружением (православие, ислам, иудаизм, буддизм). «Для введения данного предмета («Основы православной культуры») в школе нет достаточных кадров, обладающих необходимыми знаниями» [11, с. 162]. Во-вторых, учителя начальной школы с трудом осознают (что неудивительно, при отсутствии соответствующего образования в вузе) различие между религиозной культурой, религиозной верой и религиозным мифом.

За 144 академических часа, которые выделяются на обучение по программе дополнительной профессиональной подготовки в области ОРКСЭ, требуется восполнить пробелы в религиозно-педагогических познаниях. Эта задача выполнима, если в процессе обучения учителей сконцентрироваться на методологии самостоятельного изучения религиозных культур, сделав акцент на теоретико-методологические аспекты религиоведения.

В процессе работы с учителями постоянно возникала проблематика, связанная с определением границ внутри предметного содержания курса ОРКСЭ: отличие религии от религиозной культуры; отличие религиозного предмета веры от рассказа на религиозную тему (миф, народное предание, сказки); отличие процесса ознакомления с религиозной культурой от религиозного проповедничества. Одна из основных трудностей – как для учителей, так и для религиоведов, которые проводят профессиональную подготовку учителей начальных классов, – это отсутствие непосредственной связи между содержанием *религиозного материала* и тем, как оно представлено в учебнике для потребителя – ученика начальной школы.

Преподавание ОРКСЭ представляет собой поэтапную *адаптацию* содержания предмета религиозной веры к более широкому контексту религиозной культуры и далее – к *культурологическому* изложению (традиции, обычаи, сказания, притчи, этические примеры).

Проблема различения мифологического и религиозного уровней сознания

Заметная трудность преподавания ОРКСЭ учителям связана с недостаточной дифференциацией понятий религии и мифа, как в бытовом понимании, так и в популярном религиоведческом дискурсе. В данной статье

будем рассматривать мифологическое сознание (миф) как базовую форму сознания, необходимо присущую любому мировоззрению, – как религиозному, так и научному, – при ее принципиальной отличии от других форм сознания [14, с. 66–68].

«Миф не есть религия, но религия есть мифическое творчество и жизнь» [7, с. 99]. Миф является первичным образом мира, первичным описанием, рассказом, без которого невозможно осмысление человеком себя в мире и невозможно любое мировоззрение. Культура является средством знакового, символического освоения мира. Первоначальным способом вхождения в мир культуры становится мифологическое описание, затем на этот базис «наслаиваются» более рациональные культурные формы – религия, философия, наука. «Создан ли миф субъектом или заимствован из коллективной традиции (причем между индивидуальными и коллективными мифами происходит постоянное взаимопроникновение и обмен), он различается лишь материалом образов, которыми оперирует; структура же остается неизменной, и именно благодаря ей миф выполняет свою символическую функцию» [4, с. 212].

Религиозное сознание отличается от мифологического наличием нового измерения – трансцендентного. «Удвоение мира, вера в подлинность сверхъестественного начала и представление об его определяющей роли по отношению к природе и человеку образуют наиболее фундаментальные установки религиозного сознания» [13, с. 16]. Чтобы «увидеть» в окружающем человека мире нечто неочевидное, невыразимое – необходимо, чтобы ранее сформировались языковые, текстовые формы описания «неочевидного».

В иудаизме «сверхъестественное» оформляется в языке и культурных символах как невидимый, неслышимый Творец мира, невыразимый в словах и изображениях, что закрепляется в соответствующих заповедях. Сверхъестественное, как категория сознания, не относится к мифу, а является характерным отличием именно религиозного сознания. Миф, как базовый элемент сознания, не может содержать в себе нечто большее, чем объяснение очевидного, хотя это и объяснение в фантазийных образах.

Описание мифологии с использованием понятия сверхъестественного является остаточным явлением классического «объективистского» подхода в культурологии, характерного для XIX столетия, например для Э. Тейлора [15]. Содержание мифологических рассказов воспринималось как отражение познавательной деятельности древних людей (и современных представителей архаичных культур), т. е. познавательная деятельность воспринималась как безусловно присущая любому обществу в любой эпохе. С развитием структурализма в XX столетии этот подход изменился.

Принципы структурализма, как философского метода, предполагают вторичность рефлексии субъекта сознания по отношению к структуре – мы не можем познавать структуру сознания напрямую, поскольку то *что* познает – и есть структура. Миф является первичным элементом в структуре сознания, на этом уровне рефлексия отсутствует.

Разумеется, невозможно провести четкую грань между мифом и религией ни в историческом времени, ни в текстах, ни в национальных культурах: граница определяется не текстом, а уровнем рациональности конкретной культуры. Религия выделяет один истинный рассказ (метанарратив в терминологии Ж.-Ф. Литоара [6]) и отрицает все другие рассказы (которые и именуется мифами в значении заблуждений). Проблема заключается в том, что религиозные тексты, религиозная культура, искусство, традиции не отделимы от мифологических повествований. «Религия всегда содержит в себе мифологию – это не вызывает никаких сомнений» [8, с. 89].

Итак, религия добавляет в мифологическую картину мира нечто принципиально новое – вопросы ответственного, сознательного выбора некой невидимой реальности, «высшего существа». Осознание этой реальности добавляет в картину мира принципиально новое измерение, с которым человек соотносит свои поступки, быт, этический выбор. Миф неразрывно связан с религией, поскольку является базовым, хотя и неререфлексивным, слоем сознания. Можно сказать, что миф связан с чем угодно, в том числе и с наукой [7, с. 44]. Путь вхождения религиозных символов, понятий, отношений в культуру является ареной борьбы мифологических установок с религиозными, требующими ответственного преодоления человеком своей «греховной природы».

Миф сам по себе неморален, это безоценочная структура сознания, описывающая мир в образах, рассказах. «Связь мифа и морали представляется достаточно опосредованной. Этический элемент в архаических и древнейших религиях еще не развит и не выделен из синтетического единства» [10, с. 1503].

Парадокс в том, что собственно *религиозная* культура не может быть представлена (преподана) вне мифа, вне рассказа, тем более если речь идет о мировых религиях, уходящих корнями в архаичные представления. «Мифология – это структурирование религиозных образов в сознании человека. Отличительной особенностью мифа считается вовлечение в мифологию самого человека таким образом, что он становится соучастником событий, описываемых в мифе» [12, с. 279].

Проблема этики мифа и этики религии

Учителя начальной школы рассказывают детям, главным образом, о религиозных традициях, рассказывают *истории о религии*. Элемент «сверхъестественного» каждой отдельной религии остается за гранью понимания учеников, и нередко – учителей. В этом нет ничего удивительного, такой уровень подачи материала соответствует возрасту обучаемых. Возможны две крайности преподавания предметов, связанных с религией.

С одной стороны, – уход в религиозную проповедь и демонстрация превосходства одной религии над другими, либо атеистический уклон подачи материала – то и другое может привести к конфликтам (главным образом – с родителями или иными законными представителями учеников) [5, с. 161]. Другая крайность – максимальное упрощение материала – можно ограничиться рассказами о религиозных праздниках, традициях, без подробностей описания «сверхъестественного смысла» религиозного ритуала, без описания жизни святых, чудес и т. п. На практике учителя стараются максимально упростить повествование (не вовлекаясь в религиозное содержание) и строго следовать учебнику.

Очевидно, что в вопросах этики и культуры задача учебно-воспитательного процесса – привить школьникам базовые представления об основах общественной морали и научить навыкам решения нравственных проблем. История развития морали, как формы культуры, сопряжена с процессом постепенного отделения религии от мифа и морали от религии. В архаической культуре области религии и права тесно взаимосвязаны – гарантом законопослушности является вера в Бога и страх наказания «высшим существом». Первые законы в культуре и обществе формулировались как данные «свыше». Современная светская мораль, по крайней мере в западном обществе, отделена от религии: человек не нуждается в общем для всех религиозном чувстве для обоснования морального выбора.

Параллельно процессу дифференциации морали и религии происходит отделение личного сознания от коллективного, однако здесь невозможно говорить о какой-либо завершенности процесса. Если возможна мораль вне религии, то мораль вне человечности, вне общества – невозможна. Вопросы добра и зла решаются на определенном уровне, в круге этической ответственности – индивидуальном, семейном, этническом, или на уровне всего человечества.

На минимальном уровне культуры и этики человек рассматривает добро или зло только в отношении самого себя или своего близкого окружения: воровство или убийство не ощущаются как зло, если направлены на «чужого». Наиболее ранние известные в культуре моральные принципы закладываются в религиях не как нормы «правильности поступков» сами по себе, но как нормы требующие

единства народа, сообщества. Например, наказание за нарушение иудейских заповедей – это угроза не одному человеку, но целым поколениям. «Ветхий Завет полностью остается в сфере коллективистской морали, в которой каждый отдельный человек несет ответственность также и за другого» [1, с. 266].

Николай Бердяев формулирует понятие «этика закона» и относит к этому уровню все дохристианские культуры, а христианскую моральную систему относит к «этике искупления» [2]. Мы не можем согласиться с таким обобщением. Бердяев рассуждает внутри христианской религиозной философии, противопоставляя коллективизм иудаизма и архаики понятию «личность» в христианстве. Разумеется, прогресс морали – это разрыв слияния личности с коллективом, чем выше моральный уровень человека, тем более в нем проявляется «личность» как осознанная социальность. Но такое упрощение не показывает процесса рационализации моральных норм. Моральный поступок может быть продиктован личным интересом или быть бессознательным актом самопожертвования ради общества. Прогресс морали определяется ростом способности человека осознавать сопричастность большему или меньшему социальному окружению. Это создает напряжение ответственности в сторону более рационального выбора.

Монотеистическая религия содержит элемент веры. Это уже нечто большее, чем магический ритуал архаики. Неосознанные «табу» архаичного племени лишены прописанных в священных текстах законов, заповедей, которые сами по себе являются показателем перехода от мифологической бессознательности к религиозному отношению со сверхъестественным «высшим существом». В архаике, в дописьменных культурах человек полностью погружен в социальное, не имея культурных образцов, предполагающих самопознание. «Высшее существо» религий – это как минимум фигура для психологического переноса, «зеркало» себя, возможность рефлексировать свои отношения с социумом: человек «создан по образу и подобию Господа».

Мировые религии являются более рациональными, современными культурными формами, поскольку расширяют круг этической оценки на все человечество. Мировую религию можно принять вне зависимости от национальности, пола и социального статуса. Принять мировую религию, значит совершить осознанный личный выбор. Христианство, буддизм, ислам предполагают более универсальные, чем в национальных религиях, нравственные требования к личной ответственности. Этика мировых религий расширяет круг оценки добра и зла от узких эгоистических интересов до интересов всего человечества.

Содержание учебников по ОРКСЭ имеет, в том числе, этическую направленность. Воспитательная функция осуществляется с помощью примеров из истории религии, рассказов, притч. Проблема психолого-педагогического свойства для учителя в том, чтобы не привлекать в повествование личное содержание, которое может иметь характер бытовой рефлексии. Однако, без личной вовлеченности урок может стать сухим и безжизненным. Задача преподавателя курсов повышения квалификации по ОРКСЭ в том, чтобы показать слушателям отличие культурного пласта мифа от религиозной культуры.

Выводы

Преподавание ОРКСЭ в начальной школе не представляет больших сложностей (кроме увеличения нагрузки для школьников и учителей) только при условии упрощения материала, в котором религиозное содержание сведено к минимуму, а в качестве религиозной культуры преподается не религиозное верование, а исторические или легендарные события, связанные с религиями. Встречающееся намерение сделать модули ОРКСЭ, связанные с религиозной культурой, ознакомлением обучающихся именно с религиозной составляющей, рождает множество проблем профессионального характера.

В идеале, учителя начальных классов должны понимать различие между религиозной верой (в том числе, своей собственной), религиозной культурой, религиозным мифом и рефлексивным рассказом о религии. Для повышения профессионализма учителей начальных классов, преподающих ОРКСЭ, необходимо сделать обязательным изучение основ религиоведения в педагогических вузах.

Список литературы

1. Беккер В. Религия и мораль // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления / под ред. И. Т. Касавина и В. Н. Поруса. – СПб.: РХГИ, 1999. – 402 с.
2. Бердяев Н. А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. – М.: ТЕРРА-Кн. клуб; Республика, 1998. – 383 с.
3. Бокова О. А. О некоторых проблемах и задачах повышения квалификации школьных учителей по предмету «Основы религиозных культур и светской этики» // Религия и общество – 12: сб. науч. статей. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2018. – С. 225–227.
4. Леви-Строс К. Структурная антропология / пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
5. Ленков П. Д. Межконфессиональные отношения: формирование толерантных установок в школьном и вузовском образовании // Теоретические и эмпирические подходы к изучению толерантных установок сознания и толерантности отношений: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. – С. 161–163.

6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 1998. – 159 с.
7. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. – М.: Мысль, 2001. – 558 с.
8. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с.
9. Мирошникова Е. М. Религиозное образование в современной России: проблема дефиниции и тенденции развития // Научные ведомости Белгородского университета. – 2017. – № 24. – С. 95–102.
10. Нгуен К. К. Особенности моральной рефлексии в мифологии // Вестник Башкирского университета. – 2019. – № 4. – С. 1502–1505.
11. Пронина Т. С. Знание о религии в современной российской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2017. – № 4. – С. 160–171.
12. Расников Е. Ф. Миф и ритуал как источники религии. Психологические особенности использования мифов и ритуалов (и их элементов) в текстах периодических изданий различными религиозными организациями // Человеческий фактор: социальный психолог. – 2020. – № 2 (40). – С. 279–284.
13. Смирнов М. Ю. Российское общество между мифом и религией. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. – 228 с.
14. Смирнов М. Ю. Магия, религия и мифологическое сознание // Смыслы мифа: мифология в истории и культуре / сост. М. М. Шахнович. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского Философского общества, 2001. – С. 66–68.
15. Тейлор Э. Б. Первобытная культура / пер. с англ. – М.: Политиздат, 1989. – 572 с.

References

1. Bekker, V. (1999). *Religia i moral' [Religion and Morality] Razum i existentsiya: analiz nauchnykh i vnauchnykh form myshleniya [Reason and existence: Analysis of scientific and extra-scientific forms of thinking]*. Sankt-Peterburg: RHGI. 402 p. (In Russian).
2. Berdyaev, N. A. (1998). *O naznachanii cheloveka. Opyt paradoksal'noy etiki [About the purpose of man. An experience of paradoxical ethics]*. Moskva: Terra-kn. Klub; Respublika. 383 p. (In Russian).
3. Bokova, O. A. (2018). O nekotorykh problemah i zadachakh povysheniya kvalifikatsii shkol'nykh uchiteley po predmetu "Osnovy religioznykh kultur i svetskoj etiki" [On some problems and tasks of improving the school teachers qualifications in the subject "Fundamentals of religious cultures and secular ethics"] *Religiya i obshchestvo – 12: sbornik nauchnykh statej [Religion and Society – 12: collection of scientific articles]*. Mogilev: MGU imeni A. A. Kuleshova. pp. 225–227. (In Russian).
4. Levi-Stros, K. (2001). *Strukturnaya antropologiya [Structural anthropology]* transl. from French. Moskva: Eksmo-Press. 512 p. (In Russian).
5. Lenkov, P. D. (2002). *Mezhkonfessional'nye otnosheniya: formirovanie tolerantnykh ustanovok v shkol'nom i vuzovskom obrazovanii [Interfaith relations: the formation of tolerant attitudes in school and university education] Teoreticheskie i empiricheskie podkhody k izucheniyu tolerantnykh ustanovok soznaniya i tolerantnosti otnoshenij*. Materialy vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii [Theoretical and empirical approaches to the study of tolerant attitudes of consciousness and tolerance of relationships: theory and practice. Materials of the All-Russian conference]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo RGPU imeni A. I. Gerzena. pp. 161–163. (In Russian).
6. Liotar, Z.-F. (1998). *Sostoyanie postmoderna [Postmodern State]* transl. from French by N. A. Shmatko. Sankt-Peterburg: Aleteja. 159 p. (In Russian).

7. Losev, A. F. (2001). *Dialektika mifa* [Dialectic of Myth]. Moskva: Mysl'. 558 p. (In Russian).
8. Losev, A. F. (1991). *Filosofiya. Mifologiya. Kultura* [Philosophy. Mythology. Culture]. Moskva: Politizdat. 525 p. (In Russian).
9. Miroshnikova, E. M. (2017). Religioznoe obrazovanie v sovremennoj Rossii: problema definitsii i tendentsij razvitiya [Religious education in modern Russia: the problem of definition and development trends] *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo universiteta*. [Belgorod University Scientific Bulletin]. No. 24. pp. 95–102. (In Russian).
10. Nguen, K. K. (2019). Osobennosti moralnoj refleksii v mifologii [Features of moral reflection in mythology] *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [The Bashkir University Journal]. No. 4. pp. 1502–1505. (In Russian).
11. Pronina, T. S. (2017). Znanie o religii v sovremennoj rossijskoj shkole [Knowledge about religion in the modern Russian school] *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. No.4. pp. 160–171. (In Russian).
12. Rasnikov, E. F. (2020). Mif i ritual kak istochniki religii. Psihologicheskie osobennosti ispol'zovaniya mifov i ritualov (i ikh elementov) v tekstah periodicheskikh izdanij razlichnymi religioznymi organizatsiyami [Myth and ritual as sources of religion. Psychological features of myths and rituals (and their elements) usage in the periodic texts by various religious organizations] *Chelovecheskij faktor: sotsialnyj psiholog* [Human factor: social psychologist]. No. 2 (40). pp. 279–284. (In Russian).
13. Smirnov, M. Yu. (2006). *Rossijskoe obshchestvo mezhdumifom i religiej* [Russian society between myth and religion]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo SPbGU. 228 p. (In Russian).
14. Smirnov, M. Yu. (2001). Magiya, religiya i mifologicheskoe soznanie [Magic, religion and mythological consciousness] *Smysly mifa: mifologiya v istorii i kul'ture* [The meanings of myth: mythology in history and culture] / ed. by M. M. Shakhnovich. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obshchestva. pp. 66–68. (In Russian).
15. Tylor, E. B. (1989). *Pervobytnaya kultura* [Primitive culture] transl. from English. Moskva: Politizdat. 572 p. (In Russian).

Об авторе

Чернеевский Алексей Петрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-1749-3003, e-mail: cherneevski@yandex.ru

About the author

Alexey P. Cherneevskij, Cand. Sci (Philos.), Associate professor of the department of philosophy, Pushkin Leningrad State University, Sankt-Peterburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-1749-3003, e-mail: cherneevski@yandex.ru

Поступила в редакцию: 01.07.2021

Received: 01 July 2021

Принята к публикации: 26.08.2021

Accepted: 26 August 2021

Опубликована: 09.09.2021

Published: 09 September 2021

УДК / UDC 2 – 264

DOI 10.35231/18186653_2021_3_216

«Электронный концлагерь антихриста»: семиотика мифологемы

А. М. Прилуцкий

*Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. В условиях эпидемии коронавирусной инфекции и противоэпидемических мероприятий мифологема «электронный концлагерь антихриста», сформированная в начале XXI в., получает новую интерпретацию и особую популярность в рамках современного эсхатологического дискурса. В данном исследовании речь идет об изучении семантики и семиотики этой мифологемы и определению специфики ее взаимодействия с мифологемами и теологемами современной «эпидемической эсхатологии».

Исследование выполнено в рамках семиотического подхода к изучению религиозного дискурса. В связи с этим использованы методы семиотического анализа и контент-анализа, семиотический инструментарий дополнен элементами категориального анализа. Источниками исследования являются современные эсхатологические тексты различных жанров.

Содержание. В статье описано семантическое ядро анализируемой мифологемы и выявлены его основные компоненты. Проанализирован хронотоп мифологемы, в том числе ее вхождение в локусы сакральной географии. Дана интерпретация выявленного вхождения данной мифологемы в пространство урбанистской эсхатологии. Высказано предположение о том, что на формирование данной мифологемы повлияла историческая память, которая семиотизировала трагический опыт XX в. в качестве прообраза предстоящих эсхатологических бедствий. Дискурс-анализ эсхатологических текстов, в которых представлена данная мифологема, позволил сделать вывод, что основная модальность, формируемая мифологемой, это модальность страха. Проанализировано взаимодействие на семантическом и семиотическом уровне мифологем «электронный концлагерь антихриста» и «вакцинирование-чипирование», которые не только способствуют включению современных противоэпидемических мероприятий в эсхатологический мифологический контекст, но и формируют представление о том, что массовая вакцинация является одним из инструментов построения «электронного концлагеря».

Выводы. В заключение сделан вывод, что хотя инвариантное ядро данной мифологемы было сформировано задолго до современной эпидемии коронавирусной инфекции, в условиях нынешних противоэпидемических ограничений мифологема получила новую интерпретацию, что во взаимодействии с мифологемой «вакцинирование-чипирование» привело к формированию сложного мифологического комплекса.

Ключевые слова: эсхатология, мифология, коронавирусная инфекция, семиотика религии.

Для цитирования: Прилуцкий А. М. «Электронный концлагерь антихриста»: семиотика мифологемы / А. М. Прилуцкий // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2021. – № 3. – С. 216–227. DOI 10.35231/18186653_2021_3_216

Semiotics of the “Antichrist electronic concentration camp” mythologeme

Alexander M. Prilutskij

*Herzen State Pedagogical University of Russia
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. In the context of the coronavirus infection epidemic and anti-epidemic measures, the “Antichrist electronic concentration camp” mythologeme, formed at the beginning of the 21st century, is receiving a new interpretation and special popularity within the framework of modern eschatological discourse. This study is devoted to semantics and semiotics of this mythologeme and the specifics of its interaction with the mythologemes and theologemes of modern “epidemic eschatology”.

The study was carried out within the framework of a semiotic approach to the study of religious discourse. In this regard, the methods of semiotic analysis and content analysis were used, while the semiotic tools were supplemented with elements of categorical analysis. The sources of this research are contemporary eschatological texts of various genres.

Content. The article describes the semantic core of the analyzed mythologeme and identifies its main components. The chronotope of the mythologeme is analyzed, including its entry into the loci of sacred geography. The revealed entry of this mythologeme into the urban eschatology space is interpreted. It is suggested that the formation of this mythologeme was influenced by historical memory, which semiotized the tragic experience of the twentieth century as a prototype of the upcoming eschatological disasters.

Discourse analysis of eschatological texts in which this mythologeme is presented made it possible to conclude that the main modality formed by the mythologeme is the modality of fear. The interaction at the semantic and semiotic levels of the mythologemes “Antichrist electronic concentration camp” and “vaccination-chipping” is analyzed, which not only contributes to the inclusion of modern anti-epidemic measures in the eschatological mythological context, but also forms an idea according to which modern mass vaccination is one of the tools for building an “electronic concentration camp”.

Conclusions. In the conclusion, it is shown that despite the fact that the invariant core of this mythologeme was formed long before the modern epidemic of coronavirus infection, under the conditions of anti-epidemic restrictions, the mythologeme received a new interpretation, which in interaction with the “vaccination-chipping” mythologeme led to the formation of a mythological complex.

Key words: eschatology, mythology, coronavirus infection, semiotics of religion.

For citation: Prilutskij, A. M. (2021) “Elektronnyj kontslager' antikhrista”: semiotika mifologemy [Semiotics of the “Antichrist electronic concentration camp” mythologeme]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No 3. pp. 216–227. DOI 10.35231/18186653_2021_3_216 (In Russian).